

ги. Часть яицких казаков морем вынужденно мигрировала на Волгу и Дон [8].

Довольно интересные сведения об этих событиях сохранились и в показаниях пленных ногаев Ештея и Деная. В Самаре они сообщили, что жили в улусе тайши Хандера. Чокур, Мерген-Темень и Хандер самостоятельно управляли своими улусами. Всего у них насчитывалось более 4 тыс. улусных людей. С осени 1629 г. по весну 1630 г. указанные трое тайшей кочевали по Яику до тех пор, пока сюда не пришли и не разгромили их Далай-Батур и Гуши с 10 тыс. воинов. Союзные тайши из-за Эмбы, с района урочища Барсучьи Копани, двинулись на Яик против Чокура до урочища Карадуван. Алтыульские татары во главе с Салтанаем бежали в район Ургенча. Денай узнал от пленных калмыков, что Хандер был казнен союзными калмыками, выкровоившими ремни с его спины, Чокур был убит в бою, а судьба Мерген-Теменя осталась не известной. Уцелевшие сторонники Чокура затаились на время в северной прибрежной части Каспия [8, л. 39-45].

Таким образом, видим, что первые поселения калмыков в степях Северного Прикаспия были прямым следствием междоусобной борьбы 1625 – 1630 гг. После разгрома группировки Чокура на Яике перед многими ойратскими тайшами открылись все преимущества нового для них региона: пересечение торговых магистралей, близость крупных рынков, слабость соседних тюркских племен, отдаленность от враждебных монголов Алтын-хана, относительно теплый зимний климат, богатые

биоресурсы и т.п. Район северо-восточного Прикаспия в качестве поселения серьезно рассматривал в 1629 - 1630 гг. и дербетский тайша Далай-Батур, чьи послы по данному вопросу вели с московским правительством довольно интенсивные переговоры, закончившиеся в результате провалом. Лишь после откочевки дербетов и хошутов на старые кочевья в Юго-Западной Сибири, в конце 1630 г. в Северном Прикаспии появляются торгутские улусы Хо-Урлюка и Дайчина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в русских источниках. Алматы, 2005. С. 312.
2. Мияваки Дж. Калмыцкие тайши в начале XVII века // *Altaica IV*. М., 2000. С. 70–77.
3. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // *Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники*. Элиста, 2003. С. 96.
4. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М., 1959. С. 139.
5. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. М., 1939. № 5. С. 48–102.
6. Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984. С. 49.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 407.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 36–39.

ББК 63.3 (2) 46

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЖУНГАРСКОГО СЪЕЗДА МОНГОЛЬСКИХ И ОЙРАТСКИХ КНЯЗЕЙ 1640 г.

В.П. Санчилов

В 1640 году монгольские и ойратские князья созвали в Джунгарии большой съезд и приняли кодекс феодального права, известный как «Великое уложение». Его ойратский текст сохранился только у волжских калмыков. Достоверные сведения о том, как готовился и как проходил съезд, отсутствуют. В данной статье говорится об историческом значении Джунгарского съезда с учетом политической обстановки в Центральной Азии накануне и после 1640 года. Собранные нами сведения позволяют установить место проведения съезда и обстоятельства принятия на нем «Великого уложения».

Ключевые слова: *история Монголии, монгольско-ойратский съезд 1640 г. в Джунгарии, «Великое уложение» 1640 г.*

It was in 1640 that the Mongolian and Oyrat princes held their assembly in Dzungaria and carried a feudal law code known as the “Great Law Code of 1640”. Its Oyrat version solely survived among the Kalmyks in the Low Volga region. There is no veracious information on how the assembly had been prepared and in what atmosphere it was proceeding. This article deals with the historic significance of the Mongol-Oirat assembly in Dzungaria taking into account the political situation in Inner Asia on the eve of 1640 and afterwards. Our accumulated knowledge permits us to ascertain the meeting-place of the assembly and the circumstances in which the Great Law Code of 1640 was accepted.

Keywords: *the history of Mongolia, the Mongol-Oyrat assembly of 1640 in Dzungaria, the “Great Law Code of 1640”.*

Джунгарский съезд монгольских и ойратских князей 1640 г. стал известен в России благодаря принятым на нем законам, монгольское название которых «Их цааз» («Великое уложение»). До нашего времени дошел только ойратский текст этого памятника на заяпандитской письменности, сохранившийся у волжских калмыков [1]. Списки монголо-ойратских законов 1640 г., выявленные еще в XVIII в., будучи изданы, изучались дореволюционными авторами как ценнейший исторический источник с историко-правовой и источниковедческой точек зрения [2]. В области социально-экономического изучения «Великого уложения» многое было сделано советскими и монгольскими историками [3-6], занимавшимися проблемами общественного строя монгольских народов в эпоху средневековья.

Сейчас отдельные вопросы, связанные с Джунгарским съездом, нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении в свете новейших исследований. Это прежде всего относится к вопросу о месте проведения съезда 1640 г. и обстоятельствах принятия на нем «Великого уложения». Вопреки установившемуся мнению о том, что значение данного законодательного памятника, как феодального кодекса права, превалирует над его политическим значением, в данной статье автор попытался более подробно рассказать об историческом значении Джунгарского съезда 1640 г. с учетом политической обстановки, сложившейся в центральноазиатском регионе накануне и после 1640 г.

К середине XVII в. в результате разделения и расселения ойратов их кочевья простирались от низовьев Волги на западе до Великой Китайской стены и предгорий Тибета на юго-востоке. Военная и политическая активность крупных ойратских этнополитических объединений предопределила появление на карте Евразии трех государственных образований кочевников – Джунгарского ханства (1635-1758 гг.) в Джунгарии и Западной Монголии, Хошутского ханства (конец 30-х гг. XVII в. – 1724 г.) в Кукуноре и Калмыцкого ханства (70-80 гг. XVII – 1771 г.) в Нижнем Поволжье. В это время во внутренней жизни ойратов произошли два крупнейших культурно-исторических события – Джунгарский съезд монгольских и ойратских владетельных князей в 1640 г. и создание в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем и религиозным деятелем Зая-пандитой (1599-1662) ойратской национальной письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») на основе старомонгольской вертикальной письменности.

На съезде был принят кодекс монголо-ойратских законов «Великое уложение» (ойратское название «Йэкэ цааджин бичиг»), которым должны были руководствоваться монгольские народы. Известный исследователь истории Монголии И.Я. Златкин писал в своей книге о Джунгарском ханстве: «Не будет преувеличением сказать, что эти законы представляют собой первоклассный источник, облегчающий

понимание как внутренней жизни монгольского общества, так и его тогдашнего внешнеполитического положения. В их основе лежала тройная цель: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимную помощь в борьбе против возможной внешней опасности; укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей над трудящимися» [4, с. 173]. Эта справедливая точка зрения нуждается в настоящее время в некотором уточнении. Главной причиной, побудившей монгольских и ойратских князей собраться на съезд в 1640 г., была не «вполне возможная», а реальная внешняя опасность.

В первые три десятилетия XVII в. на востоке Монголии усилилась угроза маньчжурской агрессии. Населявшие территорию Маньчжурии (современный Северо-Восточный Китай) разрозненные племена тунгусского происхождения чжурчэни (в XVII в. они приняли название «маньчжурь») объединились в конце XVI в. в сильный племенной союз под властью одаренного полководца и государственного деятеля Нурхацы (1559-1626). Созданное им небольшое военно-феодальное государство маньчжуров с самого начала своего существования стало проводить агрессивную политику против своих ближайших соседей: Минского Китая, Корейского королевства и княжеств Южной Монголии. Прежде чем завоевать огромную Минскую империю маньчжурские правители в 20-30-х гг. XVII в. подчинили себе одно за другим княжества Южной Монголии, подкупая одних монгольских князей и силой оружия подавляя сопротивление других. Последний номинальный всемонгольский хан Лигдан (1604–1634), вступивший в союз с Минской династией Китая, был главным противником маньчжуров среди южномонгольских феодалов и до конца продолжал бороться за независимость Монголии. Он умер в 1634 г. в Кукуноре, куда отступил с остатками своих войск после поражения в генеральном сражении с войсками маньчжурских завоевателей.

Одержав победу над Лигданом, маньчжурский хан Абахай (1626–1643) в 1636 г. провозгласил себя императором и принял для своей династии новое название Цин. Подчинившиеся ему князья Южной Монголии, прибывшие в ханскую ставку, чтобы поздравить его, собрались на свой съезд и преподнесли ему титул «всемонгольского хана». В дальнейшем этот их предательский поступок позволил цинским правителям вмешиваться во внутренние дела оставшихся независимыми княжеств Северной Монголии (Халхи). В руках последних [т.е. маньчжуров. – В.С.] оказался и символ власти «всемонгольского хана», а именно передававшаяся из поколения в поколение яшмовая печать императоров правившей в Китае монгольской династии Юань (1280-1368 гг.) [7, с. 68]. Установив свое господство над Южной (Внутренней) Монголией, они готовились захватить

всю страну. На очереди была Северная, или Внешняя, Монголия. Советские исследователи справедливо отмечали, что «упрочение маньчжурского господства в Китае ставилось Цинами в прямую зависимость от полной ликвидации политической самостоятельности Монголии и подчинения ее своей власти» [8, с. 7].

Набравшие силу ойраты Джунгарии были в рассматриваемое время слишком далеки и недосыгаемы для маньчжурских завоевателей. Поэтому монгольские князья, в том числе самые влиятельные и могущественные феодалы Халхи: Дзасагту-хан, Тушэту-хан и Цэцэн-хан, видя явную неспособность разобщенных монгольских княжеств в одиночку противостоять натиску централизованного военно-феодального государства маньчжуров, решили пойти на союз с ойратами. В ответ на предательскую деятельность феодальной знати Южной Монголии они, забыв на время о старых распрях с ойратами, постановили провести свой собственный съезд совместно с ойратскими правителями. Политический компромисс между ними базировался на социально-экономической общности и этнической близости двух родственных народов.

Подробные данные о том, как готовился и как проходил съезд монгольских и ойратских феодалов, отсутствуют. Известно только, что знаменитые «монголо-ойратские законы 1640 г.», как еще называют («Великое уложение»), были выработаны и утверждены именно на этом съезде. В литературе существует ошибочное мнение о том, что съезд был созван по инициативе джунгарского Батура-хунтайджи в его владениях [4, с. 172, 176-177; 5, с. 173; 6, с. 3]. На самом деле инициатива проведения съезда исходила, как можно уверенно предположить, от правителей трех самых крупных ханств Северной Монголии. Не случайно имена двух из них – Дзасагту-хана Субуди и Тушэту-хана Гомбодорджи – первыми значатся в списке участников съезда, помещенном в преамбуле «Великого уложения» [6, с. 13]. Вместо Цэцэн-хана Шолоя на съезде присутствовали двое его сыновей – Эрдэни-хунтайджи и Далай-хунтайджи [6, с. 13]. Очевидно, что правители Халхи, опасаясь испортить «дружественные» отношения с маньчжурским императором, не рискнули проводить съезд в своих владениях, а провели его на территории Джунгарии.

В настоящее время твердо установлено, что место проведения съезда находилось не в улусе Батура-хунтайджи. Достоверное подтверждение этому факту мы находим в русских источниках, а именно в «статейном списке» посольства М. Ремезова к джунгарам [8, с. 203-206; 9]. Так случилось, что «тобольский сын боярский» Меньшой Ремезов именно в это время побывал по заданию правительства с дипломатической миссией и «государевым жалованием» во владениях Батура-хунтайджи. Выехав из Tobolska 3 июня 1640 г. по юлианскому календарю (13 июня по григорианскому), он направился к «солянному

Ямыш-озеру». Сюда он добрался 27 июля (6 августа), но не застал здесь ни самого Батура-хунтайджи, ни других тайшей. Тогда русский посол проследовал дальше в улус к некоему «Куле-тайше», «приказному человеку» джунгарского правителя. Тот пытался задержать его под благовидным предлогом, но затем, продержав его несколько дней у себя, отпустил и «до Контайши дал провожатых». 24 сентября (4 октября) М. Ремезов прибыл в улус «большой жены» (т.е. старшей ханши. – В.С.) в урочище Исют Камень. Здесь, в главной ставке, ему сказали, желая, видимо, скрыть от него истинную причину отсутствия хунтайджи в своих владениях, что «Контайша в походе против мугал». По словам посла, хунтайджи вернулся «к себе в улусы к большой жене из Мугальские земли ввечеру в ночи позно» только 10 октября (20 октября) 1640 г.

Данное сообщение очевидца событий, несомненно, доказывает, что Батур-хунтайджи находился на съезде за пределами своих владений. Основываясь на показаниях этого источника, японская исследовательница Джунко Мияваки ошибочно полагает, что съезд «был созван монгольским правителем Дзасагту-ханом где-то в Халхе» [9, с. 228].

На самом деле съезд собрался в начале сентября 1640 г. в урочище Улан-Бураа на Тарбагатае во владениях влиятельного хошутского правителя Очирту-тайджи, которому впоследствии Далай-лама пожаловал титул Очирту Цэцэн-хан [10, с. 80; 6, с. 3]. Именно к нему могли приехать монгольские князья-чингисиды, не умаляя своего достоинства, так как только хошутские князья среди ойратов считались по своему происхождению выходцами из монгольского «Золотого рода» Борджигид, возводившими свое происхождение к младшему брату Чингис-хана Хабуту-Хасару. На съезд съехались владельческие князья и крупные феодалы Халхи, Джунгарии и Кукунора, а также волжских калмыков, незадолго перед тем поселившихся в степях Северного Прикаспия. Отсутствовали на нем только представители княжеств Южной Монголии, оказавшихся под властью маньчжурского хана.

По сообщению ойратского источника «Биография Зая-пандиты», на этом съезде-чуулгане «первенствовали Дзасагту-хан и двое ойратских тайджи» [11, с. 14], под которыми имеются в виду правитель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи и хошутский Очирту-тайджи. Ойратский первосвященник Зая-пандита, осенью 1639 г. вернувшийся на родину из Тибета и зимовавший в кочевье Очирту-тайджи, в работе съезда не участвовал. Он в это время находился во владениях монгольского Дзасагту-хана, исполняя свои миссионерские обязанности («удовлетворяя потребности «имеющих [счастливую] судьбу» (т.е. представителей знати. – В.С.) в учении [Будды]», как сказано в его «Биографии») [11, с. 43]. Зато на съезде присутствовали и принимали активное участие другие высшие иерархи ламаист-

ской церкви и личные представители Далай-ламы в Монголии и Джунгарии. Во вводной части (преамбуле) «Великого уложения» названы имена этих трех святителей-хутугт, в присутствии которых оно было принято: Инзан-римбочи, Акшоби Манджушири и Амуга-шиди (Манджушири) [6, с. 13]. По мере роста влияния и могущества ламаистской церкви высшие ламы начинают всё активнее вмешиваться в политическую жизнь монгольского и ойратского общества и их взаимоотношения с соседями.

В работе съезда приняли участие почти все ойратские владетельные князья: правители Джунгарского ханства Батур-хунтайджи с сыном Цэцэн-тайджи и младшими братьями Чуукэром и Мэргэн-Дайчином; дэрбэтские правители – сыновья умершего в 1637 г. тайши Далай-Батыра Дайчин-Хошуучи и Тэнгэри-Тойн и брат покойного дэрбэтского тайши Бё-Йэлдэн; хошутские правители Кундэлэн-Убаши и Гуши-хан, а также предводитель хошутов, оставшихся в Джунгарии, сын Байбагас-Батура Очирту-тайджи. Торгуты были представлены на съезде правителями обеих торгутских группировок: от волжских торгутов – тайша Хо-Урлюк с сыновьями Шукур-Дайчином и Йэлдэном, а от торгутов, оставшихся в Джунгарии, – князь Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ, названный в преамбуле «Великого Уложения» Мэргэн-нойоном [6, с. 13; 2, с. 35-36, 98-102]. Там же, в преамбуле, упомянуты и некоторые другие ойратские правители меньшего ранга [6, с. 13].

Джунгарский съезд явился одним из наиболее значительных событий в политической жизни монголов и ойратов и не только потому, что на нем был принят кодекс монголо-ойратских законов «Великое уложение». Так как съезд проводился в наиболее критическое для внешнеполитического положения Монголии время, то во главу угла на нем, судя по тексту «Великого уложения», был поставлен вопрос о том, как возродить внутреннее единство и совместными силами оказать отпор маньчжурской экспансии.

Известный монголист Н.Н. Поппе, говоря о значении этого исторического документа, называл первую часть его «первым в истории не только монголов и калмыков, но вообще первым в истории народов всего мира пактом о ненападении и о наказании агрессии» [12, с. 61]. В случае нападения агрессора на одно из монгольских или ойратских княжеств все монголы и ойраты должны были объединиться и наказать нарушителя мира. Все его имущество и скот подлежали конфискации, причем одну половину конфискованного следовало отдать потерпевшим от нападения, а другую половину поделить поровну между монгольскими и ойратскими князьями [6, с. 13-14; 2, с. 36; 4, с. 173-174]. В случае нападения на небольшой пограничный аймак или улус с виновного надлежало взять штраф – 100 панцирей (хуяг), 100 верблюдов и 1000 лошадей, а также вернуть всё захваченное им потерпевшей стороне [6, с. 14; 2, с. 36]. И.Я. Златкин справедливо объясняет

различие в санкциях за нападения на крупное и мелкое владение тем, что «в первом случае законодатели усматривали опасность возникновения серьезной междоусобной войны, способной потрясти страну, а во втором – только конфликт местного значения» [4, с. 174]. Сами же статьи составлены в общих выражениях и не содержат пунктов, явно направленных против маньчжуров.

Хотя в тексте «Уложения» агрессор (дайсун) напрямую нигде не называется, но не приходится сомневаться в том, что речь здесь идет именно о маньчжурских завоевателях, непосредственно угрожавших княжествам Халхи. Для борьбы с ними всё население Монголии и Джунгарии обязано было участвовать в равной степени. Никто не освобождался от этой обязанности. С целью мобилизации всех сил предписывалось применять суровые наказания (смертную казнь, конфискации имущества, штрафы) ко всем членам общества, от владетельного князя до простолюдина, уклонявшимся от участия в военных действиях. Причем строгие наказания грозили рядовым воинам не только за то, что они не оказали своим князьям, находившимся в опасности, помощи в бою, но и за более мелкие проступки, такие как несообщение о появлении противника, неявка по сигналу тревоги в ставку своего князя, бегство с поля боя. Высшей мерой наказания для владетельных князей пограничных районов, которые, получив известие о нападении на монголов и ойратов, не выступали против неприятеля, был огромный штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей [6, с. 14; 2, с. 36].

Участники съезда постарались урегулировать также и внутренние взаимоотношения монгольских и ойратских владетельных князей и достичь политического соглашения друг с другом. Для этого необходимо было ликвидировать халхаско-ойратские противоречия и покончить со старыми спорами и взаимными претензиями, таившими в себе возможность вооруженных конфликтов и междоусобных войн. Особенно остро стоял вопрос о самовольных откочевках крепостных аратов от их феодальных владык. На съезде была достигнута договоренность о том, чтобы кочевые улусы баргутов, батутов и хойтов, находившиеся с 1618 по 1628 год в Монголии, оставить во владении монголов, а улусы, находившиеся у ойратов в тот же период, оставить во владении ойратов. Все другие аратские семьи, кроме принадлежавших к перечисленным улусам, следовало возвратить прежним владельцам. На тех князей, кто осмелился приютить у себя беглецов, за каждого из них налагался штраф в размере 20 лошадей и 2 верблюдов, а задержанных перебежчиков полагалось возвратить туда, откуда они бежали [6, с. 14; 2, с. 36]. Нашел разрешение и вопрос о крепостных аратах халхаского Цогту-тайджи (погиб в 1637 г.), которые, спасаясь от смуты после изгнания их князя из Халхи в Южную Монголию, нашли себе убежище во вла-

дениях ойратских правителей. Законодатели согласились оставить их у их новых хозяев [6, с. 14; 2, с. 36].

Основная часть законов «Великого уложения» была направлена на то, чтобы кодифицировать нормы обычного права в интересах феодальной верхушки и юридически закрепить сложившиеся у монголов и ойратов феодальные общественно-экономические отношения. В них нашли свое выражение крепостнические тенденции, что дает основание исследователям «признать соответствующие разделы «Великого уложения» 1640 года имеющими для судеб трудящихся монголов и калмыков не меньшее значение, чем, например, Соборное уложение 1649 года для судеб русского крестьянства» [13, с. 98].

Мирное объединительное направление деятельности Джунгарского съезда монголо-ойратских князей 1640 года полностью соответствовало национальным интересам обоих монгольских народов. Его решения могли стать прочной основой для укрепления внутренних феодальных порядков в стране и обеспечения политической самостоятельности Монголии. Однако этого не произошло. С середины 40-х годов XVII в. среди нойонов Джунгарии начались междоусобицы. Территориальные и династические споры в обеих частях Монголии привели к срыву принятых на съезде соглашений. Разрыву союзных отношений в немалой степени способствовала и закулисная деятельность Цинов. Во вновь разгоревшихся конфликтах между ойратскими и монгольскими феодалами последние стали всё чаще обращаться за посредничеством к маньчжурскому императору, увеличивая тем самым свою зависимость от него. Это имело печальные последствия. Через 50 лет Северная Монголия (Халха) утратила свою независимость и в 1691 г. вошла в состав маньчжуро-китайской империи Цин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов 1640 г. и их изучение // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1987. С. 28–42.
2. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1880. 16+144 с.
3. Преображенская П.С. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков по данным «Степного уложения» 1640 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 94–100.
4. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, ГРВЛ, 1964. С. 173–177.
5. История Монгольской Народной Республики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 173–175.
6. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 148 с.
7. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 194 с.
8. Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 669 с.
9. Miyawari, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyrat Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260.
10. Далай Ч. Ойрад Монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2006. 290 х.
11. Норбо Ш. Зая-пандита (материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 336 с.
12. Поппе Н.Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов // Калмыцко-ойратский симпозиум, № 2. Филадельфия: Общество ревнителей калмыцкой культуры, 1966. С. 52–72.
13. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

ББК 63.3 (2) 46

ОЙРАТСКАЯ ПОЛИТИКА ЦЯНЬЛУНА

А.М. Пастухов

Статья посвящена взаимоотношениям между ойратскими государственными образованиями и империей Цин в период правления Цяньлуна.

Ключевые слова: *всеобщая история, история ойратов, история Китая, история дипломатии.*

The article is devoted to the relations between state formations of Oyrats and Empire of Qing Dynasty in Cyanlun board.

Keywords: *general history, history of Oyrats, history of China, history of diplomacy.*

История ойратского народа тесно связана с историей Китая. Особенно важным для судьбы ойратов оказался период Цин, когда практически одновременно выкристаллизовались несколько молодых государств – маньчжурская империя Цин (1636), Джунгарское государство (1635), Хошутское

ханство (1642). Чуть позже окончательно сложилось Калмыцкое ханство на Волге.

Традиционно считается, что взаимоотношения между ойратскими государственными образованиями и империей Цин были враждебными, и определяющим фактором являлось соперничество между